

КАНТ И НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

А. В. Шумской

Уральский государственный университет физической культуры

Поступила в редакцию 22 октября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме рецепции и интерпретации Николаем Бердяевым философии Канта и немецкого идеализма. В статье реконструирован подход русского философа к феномену немецкой классической идеалистической метафизики. Показано, что метафизика свободы Канта явилась для Бердяева исходной точкой построения им собственной метафизики экзистенциалистского толка. Сделан вывод о том, что Бердяев пришел к религиозному экзистенциализму и персонализму в результате критического развития метафизики Канта. Именно благодаря философскому опыту Канта Бердяев увидел возможность построения новой метафизики субъекта и свободы, основанной на философии духа.

Ключевые слова: немецкий идеализм, Иммануил Кант, Николай Бердяев, объективация, экзистенциализм, персонализм, философия духа.

Abstract: the article is devoted to the problem of Nikolai Berdyaev's reception and interpretation of Kant's philosophy and German idealism. The article reconstructs the Russian philosopher's approach to the phenomenon of German classical idealist metaphysics. It is shown, that Kant's metaphysics of freedom was the starting point for Berdyaev to build his own existentialist metaphysics. It is concluded that Berdyaev came to religious existentialism and personalism as a result of critical development of Kant's metaphysics. It was through Kant's philosophical experience that Berdyaev saw the possibility of constructing a new metaphysics of the subject and freedom, based on the philosophy of spirit.

Key words: German idealism, Immanuel Kant, Nikolai Berdyaev, objectification, existentialism, personalism, philosophy of spirit.

Немецкая идеалистическая философия была всегда в центре внимания Николая Александровича Бердяева. Еще в начале своего философского пути, в своей первой работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», написанной в 1901 г., молодой русский философ заявляет о себе как о критическом марксисте, пытается синтезировать критицизм Иммануила Канта с социальной марксистской доктриной. Ортодоксальный марксизм представлялся ему тогда крайне наивной философской теорией, основанной на диалектическом материализме. В Канте Бердяев увидел глубокую постановку проблемы человека, личности и свободы, которая, по его мнению, была абсолютно не развита в марксистской доктрине. Выше мыслей Канта о человеке и человечестве, полагал тогда Бердяев, никому еще приходилось подниматься [1, с. 122]. Начиная с данной книги Бердяев погружается в школу кантианской мысли, под влиянием которой в 1902 г. окончательно переходит из лагеря критических марксистов в идеалисти-

ческую философию. С этого момента Кант и немецкая идеалистическая философия становятся духовной питательной средой для молодого Бердяева. На этапе перехода в идеализм Кант и Фихте начинают играть определяющую роль в становлении его философского мировоззрения. Молодой Бердяев свое умственное настроение того времени определял как этический нормативный идеализм, близкий к Фихте. Бердяев признавался, что он верил тогда в становящегося Бога [2, с. 444]. Идеалистическая философия стала для него переходным периодом, в котором он находит более или менее удовлетворительные ответы на волновавшие его метафизические проблемы личности, свободы, телеологии исторического процесса. Именно в Канте Бердяев видел тогда единственный источник для построения этической мысли [3, с. 73]. Идеализм оказался для него таким же переходным периодом, как когда-то критический марксизм. Бердяев искал пути выхода в религиозный мистический реализм. Философская мысль Канта стала представляться ему тесной, лишенной историософской постановки проблем, в ней отсутствовала проблематика смысла истории и прогресса. Философско-историческое обоснование мирового прогресса как движения

к верховной цели бытия Николай Александрович находит в творчестве Фихте и Гегеля. При этом школа мысли Канта, которую он прошел в молодые годы, навсегда останется с ним. Уже в конце жизни, подводя итоги своему долгому философскому пути, Бердяев отмечал, что из всех философов наиболее близок ему по типу философской мысли был Кант. В «Самопознании» Николай Бердяев признавался: «Что-то от Канта у меня осталось на всю жизнь и теперь я это чувствую более, чем когда-либо» [там же, с. 445]. Прежде всего Николай Александрович был потрясен в кантианстве различением мира явлений и мира «вещей в себе», порядка природы и порядка свободы, признанием каждого человека целью в себе и непустотностью превращения его в средство.

Отношение к Канту у него с самого начала было творческим и критическим. Принять метафизику Канта целиком он не мог, так как она представлялась ему слишком рационалистической и моралистической. Уже в своих ранних работах 1900-х гг. кантианство становится предметом острых нападок Николая Александровича. Этот период совпадает с его отходом от кантианства. Бердяев начинает сосредоточивать свои усилия в этот период на развитии и преодолении Канта.

Судьбу всей метафизики и философской мысли Бердяев видит в преодолении двух главных столпов немецкого идеализма – Канта и Гегеля. В статье «О новом русском идеализме», написанной в 1904 г., Бердяев определял свою гносеологическую точку зрения как трансцендентный реализм [там же, с. 178]. Основную ошибку немецкого идеализма он усматривал в рационалистической установке, смещении сознания с разумом, низведенным до рассудка и логического мышления. Рационализм рассекает человеческий дух и выводит его по ту сторону живого бытия, первореальности. Бердяев пытается обосновать возможность познания первореальности до ее рационализации, отстаивает возможность трансцендентного метафизического опыта, имманентность первореальности духовному опыту человека [там же, с. 194]. Критическая рефлексия над кантианством приводит его к различению первичного и вторичного сознания. Философский опыт Канта и его последователей имел дело с вторичным сознанием, разделяющим реальность на субъект и объект. Кант не имел контакта с первореальностью, потому что был рационалистом и не признавал духовного опыта. В «Критике чистого разума» Кант провозглашает трансцендентность ноуменального мира, его недоступность для познания гносеологическим субъектом [4, с. 479]. Бердяев же ищет выход к первичному сознанию, которое, по его мнению, укоренено в первореальности до ее распада на субъект и объект. Источником метафизического опыта может быть только сверхраз-

умный или органический разум, способный познавать первичное бытие в его единстве и целостности. Немецкий критицизм, основоположником которого был Кант, пошел по пути противопоставления мышления бытию, понятие бытия начал выводить из трансцендентального разума. Для Бердяева же понятие бытия, если и может быть конституировано, то только из данных непосредственного живого опыта нерационализованного сознания укорененного в бытии. При таком подходе всякое бытие метафизическому разуму открывается как всегда индивидуальное и живое, а не как объект [3, с. 334]. Метафизический разум не производит объективации, а формирует понятие бытия как одухотворенной субстанции, обрабатывает первичный трансцендентный опыт. Таким образом, Бердяев в ту пору обосновывал точку зрения мистического реализма, исходившую из первенства бытия над мышлением.

В работе «Философия свободы», написанной в 1911 г., Бердяев продолжил критику кантианства и посткантовской критической гносеологии, представленной в первую очередь неокантианством. Неокантианцы доводят до логического конца рационалистическую установку, рассматривая познание как исключительно дискурсивное мышление, оперирование понятиями и категориями. Бердяев полагал, что новая критическая гносеология неокантианцев роковым образом ведет в царство иллюзионизма, в котором исчезает живое познание бытия. Священный гнозис новая критическая гносеология превратила в отвлеченное дискурсивное познание, ввергла его в царство идей, понятий и категорий. Исходной точкой пути, по которому пошла новая и новейшая европейская философия в XIX – начале XX в., Бердяев считал Канта, который первый в европейской философии выразил роковой разрыв с корнями бытия. Бердяев рассматривал тогда философию Канта как глубокую болезнь в самом бытии, свидетельствующую об утрате человеком духовного метафизического опыта. Кантианство Бердяев трактует как страшный факт в судьбе европейской метафизики и один из роковых моментов развития протестантизма [5, с. 222–223]. Протестантизм утрачивает живую связь с соборным церковным сознанием, загоняет человека в мир его субъективности, изолирует его от души мира. Канта Бердяев называет продолжателем дела Лютера в области философии. Протестантизм в Канте выразился в построении им религии в пределах разума. Центр жизни Кант переносит в нравственно-разумную природу человека. В своей «Критике практического разума» Кант ищет выход к утерянному ноуменальному бытию через свободную нравственную волю, идею нравственного умопостижимого миропорядка, постулаты практического разума. Таким образом, отвлеченная моралистическая духовность Канта опреде-

лялась его протестантским мировоззрением. Вся дальнейшая немецкая философия пошла по пути рационализации и гипостазирования категории бытия. В этом Бердяев видел ошибочность и ложность пути развития европейской метафизики после Канта.

Критической гносеологии Нового времени Николай Бердяев уже в начале 1910-х гг. противопоставляет церковную соборную гносеологию [там же, с. 257]. Германский идеализм, впитавший в себя протестантский индивидуализм и рационализм, абсолютизировал малый разум или рассудок и тем самым закрыл для человека истинное сущее. Гносеологическая и онтологическая истина в ту пору для Бердяева заключалась в том, что только большой разум может быть приобщен к Божественному Логосу, церковному соборному сознанию внутри которого ему открывается Смысл бытия, обнаруживается первореальность в ее целостности и единстве. Новая посткантовская гносеология отделила акт познания от универсального бытия, стала рассматривать знание как отражение либо конструирование бытия. Познающим субъектом у Канта является трансцендентальное сознание, которое в актах познания и суждения конституирует бытие объектов, данных в эмпирическом опыте. Единственным выходом из кризиса, в который зашла критическая гносеология кантианства, для Бердяева был творческий мистический реализм. Мистический реализм видит в акте познания функцию универсального бытия, самопознание, творческое просветление и развитие самого бытия [там же, с. 262]. Знание в такой интерпретации понимается как жизнь самого бытия, активное овладение бытием бытия, творческое его просветление изнутри познающим субъектом. Таким образом, проблема рационального и иррационального в бытии для Николая Александровича могла быть разрешена только на путях сверхрационализма. Всякая иная гносеологическая точка зрения, открыто порвавшая с церковным соборным сознанием, Бердяеву представлялась ошибочной и ограниченной.

Критический гносеологизм Канта и его последователей создавал безысходную ситуацию в познании. Основное противоречие немецкого трансцендентального идеализма Николай Александрович видел в объективировании самого трансцендентального сознания, превращении его в объект. Возникла гносеологическая ситуация безысходности, когда требовалось обоснование того, что должно предшествовать самому объекту, и так до бесконечности. При таком подходе в принципе невозможно достичь такого предельного основания, которое уже не требовало бы критического исследования [там же, с. 272]. Комичность положения критического трансцендентализма Бердяев видел в том, что критические гносеологи, борющиеся с притязаниями всякой метафизики,

неосознанно для себя сами вставали на определенную метафизическую позицию, постулируя объективное существование трансцендентального сознания вообще. Таким образом, одним из роковых исходов развития немецкой критической гносеологии становится метафизический онтологизм. Именно по такому пути развития пошла посткантовская немецкая классическая философия. Другим ее исходом становятся позитивизм, имманентизм (отрицание трансцендентной реальности) и психобиологизм, широко представленные в различных течениях и направлениях европейской философии XIX в. [там же, с. 256].

Претензии на истину критической гносеологии, ведущей свое начало с «коперниковского» переворота Канта, Бердяеву представлялись беспочвенными. Критическая философия Канта имплицитно включала в себя догматические онтологические установки, так как допускала объективное существование универсального трансцендентального субъекта с его категориями. Кант породил философию Фихте, Гегеля и Шеллинга, которые несмотря на критическую переработку кантианства также стояли на позиции объективации абсолютного «Я», мирового духа, Абсолютной идеи. В монистическом объективистском уклоне Бердяев видел характер развития всей посткантовской немецкой метафизики.

Рациональное конструирование опыта ведет к расщеплению акта познания, расколу бытия на субъект и объект. Единственный путь преодоления заблуждений критических гносеологов и метафизиков объективистского толка Николай Александрович видел в развитии критического творческого догматизма. Априоризм, в котором Кант видел прочный фундамент познания, на самом деле оказывается рационально конструированным опытом. Для Бердяева если априоризм в познании и возможен, то только как сознательная укорененность в бытии, жизненная твердость самого бытия в котором пребывает субъект. В таком контексте критический априоризм и скептицизм являются лишь болезненными состояниями самого бытия, дефектом воли самого субъекта, разорвавшего онтологическую связь с самим бытием. Выход из кризиса, в который зашла европейская философия XIX – начала XX в. русский философ видел в преодолении рационалистических предпосылок критического гносеологизма, объективизма, имманентизма, позитивизма, т. е. всего того, что было конструировано рассудком, вторичным сознанием, дискурсивным мышлением, отчужденным от первичного экзистенциального опыта. Бердяев в ту пору был убежден в том, что необходимы творческий синтез критической философии и своеобразный возврат к досократовской философии, философскому примитивизму, но на основе высшей сознательности [там же, с. 282]. В то же время критический опыт

Канта должен быть удержан в новом типе философствования для преодоления наивного догматического реализма докантовской философии. В этом Бердяев видел главную заслугу кантовского переворота в гносеологии, но будущая философия должна быть сознательно мистической, поставленной на почву духовного опыта, а не исключительно рационалистического, как это было в кантианстве и критической гносеологии Нового времени. Такова была основная гносеологическая позиция Бердяева периода перехода его в мистический реализм.

В статьях и книгах, написанных во второй половине 1910-х гг., он продолжил критическое переосмысление кантианства, начатое им в более ранние периоды его творчества. Русский философ оставался верен основной своей гносеологической установке в отношении кантианства – необходимости изжить и преодолеть критическую философию Канта. Феноменализм, который защищал Кант, для Бердяева являлся разновидностью традиционной германской метафизики, для которой всегда было характерно утверждение волюнтаризма как основной метафизической интенции. Волюнтаризм пронизывал собой всю посткантовскую немецкую философию, он являлся онтологическим догматическим основанием немецких философов после Канта [6, с. 304–305]. Раскрытие истины о волюнтаризме в германской мистике роковым образом проникает в германскую мысль и метафизику Нового времени, определяет ее характер. У Канта волюнтаризм играет определяющую роль в его учении о практическом разуме, автономии личности и ее свободе. Бердяев приходит к выводу о неизбежности прохождения европейской философией этапа расщепления, дифференциации в познании, которые он связывал с неотвратимой тенденцией к секуляризации познания в истории европейского духа. Философская мысль Канта в его интерпретации есть явление трагедии в познании, плод развития имманентизма в познании [там же, с. 305]. Трансцендентная предпосылка докантовской философии больше невозможна и несостоятельна после кантовского переворота в познании, ее гносеологическая парадигма была основана на наивном догматизме и объективизме. Кантовскую трагедию в познании нужно пережить и преодолеть, необходимо движение вперед в сторону духовного постижения реальности. Трансцендентизм Канта Бердяев рассматривает как обратную сторону имманентизма в познании с его автономией познающего субъекта. В философском опыте Канта Николай Александрович видит глубокий смысл, который должен быть творчески осмыслен и переработан. Выход из трагедии познания лежит в возврате к истокам бытия, но на почве высшей сознательности и учета трагического опыта германской классической философии. Герман-

ская метафизика, столь много сделавшая для открытия проблемы иррационального в бытии, зашла в тупик. Волюнтаризм немецкой классической философии, заключающий в себе долю истины, должен быть дополнен и развит на основе экзистенциального поворота в метафизике, творческой догматической философии.

В работе «Смысл творчества», изданной в 1916 г., Бердяев раскрывает сущность творческого характера познания. Основное острие своей критики кантианства Бердяев направляет против болезненной раздвоенности и рефлексии критической философии. Критическая философия не обращает человека к творческому опыту, а, напротив, вырывает с корнем творческий акт из бытия, сводит познание к трансцендентальному нормативизму. Этим она изобличала свою ветхозаветную природу. Критическую философию Канта Бердяев относит к подзаконной, дотворческой, безблагодатной [7, с. 104]. На философии Канта лежит печать грехопадения, сознание человека лишено творческого порыва, оно подчиняется априорным нормам трансцендентального сознания. Критическая философия Канта приспособлена к греховной природе человека, его падшему состоянию. Бердяев находит в трагическом опыте Канта и положительный момент. Ее нормативизм частично может быть оправдан, как и существование в обществе государственности с судопроизводством и полицией. Подобно тому, как греховный падший человек не может жить без принудительных правовых законов государства, так и субъект познания после грехопадения не может мыслить без критической гносеологии [там же, с. 103–104].

В рецепции Бердяева критическая гносеология Канта была важнейшим моментом в судьбе европейской философии. Опыт рефлексии разума над самим собой был неотвратим и выражал собой экзистенциальное состояние болезненного бытия человека. Кант гениально отразил этот опыт, который не может быть отвергнут, а должен непременно диалектически войти как момент в более полный экзистенциальный опыт. Опыт Канта нуждается не в отрицании, а в изживании. Необходимо возвыситься до духовного опыта познания, понять познание как акт, который происходит с самим бытием, которое через познание просветляется и возрастает. Теория познания, идущая от Канта, подменила проблему познающего конкретного человека трансцендентальным гносеологическим субъектом [8, с. 37]. Кант рассматривал человеческий опыт в познании как исключительно психологический, обреченный на релятивизм и субъективизм. Именно поэтому он обращается к трансцендентальному сознанию с его априорными формами, которое единственно может объективно познавать предметный мир. Но для Бердяева трансценденталь-

ное сознание не тождественно человеку и его духовному опыту. Познание должно быть творческим актом самого человека, а не познавательной деятельностью внешней по отношению к нему гносеологической инстанции. Бердяев видит развитие теории критического познания Канта в том, чтобы трансформировать ее из учения о трансцендентальном субъекте в философскую антропологию, пневматологическое учение о человеке [там же, с. 38]. Антропологизм, по мнению Бердяева, должен быть главной предпосылкой в теории познания, он должен быть онтологичен и исходить из более полного духовного опыта человека. Парадокс в теории познания состоит в том, что если бы познание не было бытием, актом внутри самого бытия, то оно не могло бы иметь доступа к бытию [там же, с. 39].

Исследуя вопрос о границах познания в деятельности разума, Кант проводит границы в рациональном познании, ограничивая их миром явлений. Мир ноуменов попадает у него в трансцендентную сферу, закрытую для гносеологического субъекта. Бердяев находит в этом относительную истину в том смысле, что рациональное познание не безгранично, оно опирается в тайну Божьего бытия, к которому человек может иметь доступ лишь на путях апофатического мистического познания. Если Кант закрывает для познающего субъекта мир ноуменов, то для Бердяева мир ноуменов может быть доступен лишь в духовном опыте человека, экзистенциального субъекта, который шире и полнее, чем гносеологический субъект Канта. Кант намечает в своей философии путь к экзистенциальному субъекту в своей метафизике свободы и учении о практическом разуме, но не продвигается на этом пути. В его философии почти отсутствовала категория духа, и в этом Бердяев видел ее главный недостаток [там же, с. 430].

Дуализм Канта, который для Бердяева оказывается единственно верной философской парадигмой, попытались преодолеть Фихте, Гегель и Шеллинг, придав своей метафизике монистический характер. Так, на почве метафизического монизма возникает антиперсонализм немецкой идеалистической философии после Канта [9, с. 363]. Антиперсонализм посткантовской немецкой идеалистической метафизики был для Бердяева принципиально неприемлемым, так как он становится неблагоприятным для развития философии духа и экзистенциального субъекта. В работе «О рабстве и свободе человека», изданной в 1939 г., Бердяев смотрит на явление немецкой классической метафизики сквозь призму религиозного экзистенциализма, персонализма и философии свободного духа, которые составляют сущность его философского мировоззрения в зрелые годы. Если в своих ранних работах периода идеализма и перехода в мистический реализм Бердяев поло-

жительно оценивал философию Фихте, отчасти философию тождества Шеллинга, гегелевское учение о воплощении мирового духа в истории, то в зрелые годы своего творческого пути он радикально отрицает философские учения великих представителей немецкой классической мысли за их монизм, эволюционизм, оптимизм и враждебность свободе духа и антиперсонализм. Именно в силу монистической установки, тенденции к объективации, а также тождеству субъекта и объекта философские системы Фихте, Шеллинга и Гегеля приходят к системе замкнутого детерминизма, который противоположен философии свободе, личности и духа. Более того, великие философы Германии создают утонченное царство идеальной детерминации, наиболее враждебной свободе и персонализму. Идеальная детерминация порождает объективный универсализм, неблагоприятный для развития экзистенциальной религиозной философии. В дальнейшем на этом пути производятся экстернизация и объективация духа, его выбрасывание вовне. Возникает экстернизированный универсализм, который всецело подчиняет человека мировому бытию, превращает его в часть мироздания [8, с. 499]. Для Бердяева был в корне неприемлем и чужд его мировоззрению подобного рода универсализм. Экзистенциалистский подход Бердяева к проблеме человека был противоположен и заключался в утверждении персоналистического универсализма, взгляде на личность как на целое, а не часть мира. Личность и есть подлинный универсализм, в которой осуществляется диалектика человеческого и божественного, человек вступает в общение с Богом. Личность Бердяев понимает как дух и свободу, независимость от падшего и объективированного мира, царство подлинного существования в Духе. Личность была прежде всего для него духовной, а не биологической и социальной категорией.

Бердяев пытается удержать мысль Канта о дуализме реальности, противопоставлении им царства природы и царства свободы. Но Кант не развил эту идею до конца, которая составляет для Николая Александровича основное противоречие в реальности. Бердяев подхватывает и развивает эту мысль Канта, интерпретирует природу как царство объективации, отчуждения и экстернизации, источник рабства человека. Подлинное же сущее есть царство свободы, личности и Духа, которое лежит по ту сторону объективации.

Уже в своих зрелых работах 1930–1940-х гг. тип мысли германской метафизики Бердяев определяет как онтологизм, тип онтологической философии. Бытие в онтологической философии трактуется натуралистически, как мыслимая вещь, субстанция, природа, пусть даже и имеющая идеальный характер. Подобного рода метафизика впадает в гипостазиро-

вание понятий и категорий, имеет дело не с подлинным бытием, а с идеей и категорией объективного бытия. Экзистенциальная же философия имеет дело с самим бытием как первореальностью, духовным опытом его познания, который на своей вершине может быть выражен не на языке понятий, а на языке символов [там же, с. 501]. Именно персоналистическая мистика и философия наиболее благоприятны для символического выражения духовной жизни человека.

Заслугу немецкой идеалистической философии Бердяев видит в том, что она поставила проблему активности субъекта в конструировании им объективного мира, объективации бытия. Более всех в этом направлении сделал Кант, прояснив глубину этой проблемы. Кант расчистил почву для нового типа философствования, философствования из субъекта, а не из объекта, понимаемого как личность и свобода, на которое сам он так и не вступил [10, с. 46]. Он завершает натуралистическую метафизику, исходящую из объекта и мира, и намечает метафизику субъекта и свободы, экзистенциальную философию [11, с. 7]. Кант гениально прозревает смешения, которые производит разум, состоящие в отождествлении продуктов мышления с бытием [10, с. 168]. Учение о трансцендентальных иллюзиях, порождаемых разумом, представлялись Бердяеву гениальными. Главное открытие Канта в области гносеологии для Бердяева состояло в том, что им впервые была обнаружена интенция разума переносить то, что относится к миру явлений, эмпирическому опыту, в область ноуменов или «вещей-в-себе». Кант критикует применимость категорий и понятий разума к «вещам-в-себе», которые должны быть отнесены только к миру явлений. Так порождался ложный онтологизм, который Кант изобличает в своем учении о диалектике трансцендентального разума.

Таким образом, дуализм кантовской философии для Бердяева был достоинством и преимуществом в сравнении с монистической установкой Фихте, Гегеля и Шеллинга, которые пошли по пути устранения кантовского понятия «вещи-в-себе», ноумена. Философы после Канта встали на путь создания единого универсально-общего бытия, т. е. антиперсоналистической философии. Бердяев же в гносеологических открытиях Канта и особенно в его метафизике свободы увидел возможность развития философствования в религиозном экзистенциалистском ключе [там же, с. 181]. Именно духовный опыт становится у Бердяева основой новой метафизики [4, с. 33].

Необходимо отметить, что в зрелые годы своего творчества Бердяев заостряет свое внимание на проблеме объективации и экстерииоризации личности и духа, т. е. их выбрасывании вовне, в объективный мир. Объективацию Бердяев интерпретирует как

экзистенциальный акт выбрасывания сознания из сферы первичной реальности, царства свободы и духа вовне, в отчужденный объектный мир. Свою заслугу в гносеологии Бердяев видел в разработке гносеологической интерпретации христианского мифа о грехопадении, т. е. в развитом им учении об объективации. Учение об объективации, созданное Николаем Бердяевым, явилось результатом переработки им идей немецкой идеалистической философии, особенно кантианства, в экзистенциалистском ключе. Объективная реальность предстает в концепции Бердяева как падший мир, порабощающий и подавляющий субъекта, сковывающий его свободу. Используя терминологию Канта, Бердяев отождествляет субъекта с нуменом, а объект с феноменом. Именно в нумене заключена реальность свободы и личности, раскрывается подлинное существование.

Бердяев видит шаткость Канта в слабой проработанности им понятий «объекта» и «объективного» [10, с. 169, 172]. Кант оставался верен пониманию объективности как критерия истинности и реальности, стремился к объективному познанию и знанию. Объективность понималась им как общеобязательность. Стремление к объективности, с одной стороны, и попытка обосновать метафизику свободы и субъекта – с другой, составляли главное противоречие в философской мысли Канта. Бердяев развивает и углубляет метафизику субъекта Канта, раскрывая в субъекте экзистенциальную глубину. В экзистенциалистской философии Бердяева субъект коррелятивен не с объектом как у Канта, а с другими субъектами как нуменами, он вкоренен в подлинное существование, Existenz. В трактовке Бердяева объективация, осуществляемая субъектом, есть не только гносеологический процесс, но и экзистенциальный в первую очередь. Кант не объясняет тайну объективации как акта экзистенциального, осуществляемого субъектом в глубине первореальности, он лишь подводит к этой проблеме. Объективацию Бердяев понимает как определенное состояние экзистенциального субъекта, таинственным образом выпавшего из глубины реальности и направившего свою трансцендентальную волю вовне, в объектный мир. Выпадение субъекта из глубины царства ноуменов в мир феноменальный Бердяев и называл объективацией. Мир объективации и есть отчуждение субъектов как ноуменов друг от друга. Так возникают необходимость и объективность мира, экстерииоризация, человек превращается в вещь и объект. Лишь в экзистенциальной глубине человек находится в подлинном общении с космосом, Богом и другими «ты». Единственный выход из экзистенциального кризиса человека и мира Бердяев связывал с духовной революцией, понимаемой в персоналистическом и экзистенциалистском ключе как восстание ноуменов против феноменов, преодоление субъек-

ектом состояния объективации и отчуждения, примат духа и свободы над бытием [там же, с. 196].

В конце своего творческого пути Николай Бердяев приходит к отрицанию онтологической философии. Если в ранних работах русского философа, таких как «Смысл творчества», еще присутствовал онтологизм, то в зрелые годы Николай Александрович полностью отходит от него и одним из первых в России и мире закладывает основы христианской персоналистической экзистенциальной философии, философии духа и свободы. Свою главную метафизическую идею он формулирует как примат свободы, духа, личности над бытием. Экзистенция для него первичнее эссенции [12, с. 10]. После Канта не может быть возврата к метафизике бытия, объекта и вещи. Это ведет его к тотальному разрыву с онтологической традицией. Именно благодаря философскому опыту Канта Бердяев увидел возможность построения новой метафизики субъекта и свободы, основанной на философии духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. М. : Астрель, 2008. 1008 с.
2. Бердяев Н. А. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
3. Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М. : Канон+, 2002. 656 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 1120 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. 832 с.
6. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства : публицистика 1914–1922. М. : Астрель, 2007. 1179 с.
7. Бердяев Н. А. Смысл творчества : опыт оправдания человеком. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. 678 с.
8. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 701 с.
9. Бердяев Н. А. Диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2005. 620 с.
10. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 383 с.
11. Бердяев Н. А. Дух и реальность : основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов : Опыт философии одиночества и общения. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 381 с.
12. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб. : РХГИ, 1996. 384 с.

Уральский государственный университет физической культуры

Шумской А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук

E-mail: shav.82@mail.ru

Ural State University of Physical Culture

Shumskoy A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities

E-mail: shav.82@mail.ru